

Иван Гайдаенко

Дикария

Из незавершенного

Он был уже болен. Отказали ноги, а руки пока работали – писали. Но главное – это, видно, профессиональное – голова была ясной. Мысли, образы были всегда с ним. Он ловил каждый миг, чтобы сесть за стол и что-то оставить на бумаге.

Уже прикованный к постели, он с особой жадностью к слову спешил диктовать. Где-то за год до смерти в его желтом блокноте появилась новая запись: «Дикария» – повесть». Ему хотелось положить побыстрее начало новому детищу его ума, успеть поделиться с нами мыслями, мучившими его последние годы, предчувствуя, что срок его жизни отсчитывает минуты. Не получалось, он нервничал, много черкал, курил, начинал сначала. Сколько ночей без сна, сколько пережитых снов о том, что хотел изложить на бумаге!

Иногда отодвигал в сторону начатое. Уходил от написанного в книги, в литературу о племенах Полинезии, в свои путевые дневники, что привозил после каждого рейса на судах Черноморского морского пароходства. И опять возвращался к своим брошенным героям.

И вот найден ключик, как любил говорить отец, начиная новую исповедь перед читателем.

Передо мной синяя папка с блокнотом, а в нем убористым красивым почерком переписанная начисто незаконченная первая глава повести «Дикария». Он успел... но успел только на начало, а уж сама жизнь продолжит его повествование. А нам бы только не оплошать, и, как сказал один из героев незаконченной повести «Дикария», не сотворить «земной рай с сервисом людоедов».

Валентина Гайдаенко

Океаны необъятно велики, но Тихий океан – воистину Великий. Он объял половину планеты, затопил самые глубокие впадины и больше всех своих собратьев наплодил островов. Великий и... Тихий! Не парадокс ли? Нет, закономерность. Богатырь, обладающий неумной силой, всегда спокоен, уравновешен и кроток. Разозлить его, вывести из себя – труднее, но если это удалось, берегись! Он покажет, на что способен. В ярости он жестокий и необузданный тиран, несущий неисчислимые беды, но даже в безумном гневном – извечный водонос и щедрый кормилец человечества.

Океан – слепой поводырь добра и зла, вечно молодой, любвеобильный и деспотичный супруг материков, заботливый брат горных хребтов, многодетный отец, добрый и нежный к своим дочерям – рекам, живущим по его милости и умирающим на груди матерей; суровый и требовательный к своим сыновьям – островам, прижитым с любовницами-звездами. Каждую ночь они слетают с неба на его свежую постель и за миллионы лет нарожали ему тысячи внебрачных сыновей. Из темных глубин родительского ложа тянутся они к поверхности, чтобы упиваться светом солнца, и вырастают баобабы океана по три, по пять тысяч метров, вцепившиеся в холодное дно, сверкая золотисто-зелеными веснушками на голубом лице планеты. Сколько их, этих веснушек земли?! Рассеянные россыпями, растянутые цепочками и грустно одинокие. Но все похожие на своих небесных матерей.

Спит океан, не шелохнется. Так и подобает великану после долгого и трудного единоборства с извечным соперником ветром. Поблек от усталости, полинял от немилосердно палящего солнца, утратил свою первозданную синь. Но стоит коварному ветру дерзкой силой сдернуть выгоревший шатер неба, и тут же заворочается, зашумит, заиграет мускулами волн и обретет свою синеву.

Пустыня и тишина. Единственная крупинка – белый лайнер «Русь», крошечной мошкой, увязшей в тягучей патоке безмолвия, ползет по мутной расплавленной лазури. Шуршание солено-белого буруна у форштевня и монотонно бубнящая труба вселяют веру, что жизнь на земле продолжается и прекрасный мир не обезлюдел. Ни звука, ни шороха на верхней палубе, отдан-

ной солнцу. Солярий – пестрое лежбище разомлевших мужских и женских тел, лоснящихся от кремов и лосьонов, выступающего жира и соленого пота. Тела далеко не первой свежести, давно потерявшие изящество форм. Тунцами среди трески выделяются упругостью мышц редкие экземпляры, дышащие жаром молодости и сдерживаемой энергии. И туши грузные, неповоротливые, остроязыкие...

На лежбищах моржей, котиков, тюленей – неугомонная толкотня и угрожающее рычание, а здесь – неподвижность и беззвучие. Лишь иногда разгоряченное тело плюхнется в ультрамарин бассейна или подойдет к стойке бара, смакуя, высосет кружку золотистого баварского пива и снова бросает свой торс на надувной матрац, уложенный на деревянный настил, выдраенный ночью матросами до желтизны. Телеса выжариваются утренним солнцем, а головы укрыты причудливыми уборами и отключены от забот бытия. Благодать Морфея поглотила весь вернисаж обнаженных фигур. Но это обманчивое впечатление. Мысли многих витают далеко-далеко, что-то ищут, примеряют, корректируют житейские вариации дел прерванных или требующих своего начала.

Тишина и покой. Но придет час – и потребительский зов безальтернативного реактора заставит лежбище закричать, заворочаться, заговорить и дружно подняться, чтобы заполнить кресла у белоснежных столов ресторана. И сгнуло безмолвие. Аккомпанемент столового серебра, фарфора, гудящая река голосов, принявшая в себя ручейки английского, немецкого, испанского. В этом гулком потоке невозможно выловить хотя бы одну фразу, только отдельные слова. Кормят здесь с королевским сервисом и на убой: шесть раз за восемнадцать часов, кормят вкусно, без ограничений и без информации о заложенных граммах в тарелку. Не случайно в самом начале круиза, когда гостям-туристам представляют администрацию судна, больше всех аплодисментов отпускается... нет, не капитану, а кормильцу – шеф-повару. Человечество любит пожевать вкусное, и поэтому, еще не зная способностей кулинара, авансом задабривает его овациями.

Пока лежбище объято густым маревом звонкой тиши, под цветастым тентом, где хлопочет бармен Василий, молодой крепкий

парень в белоснежном кителе с золочеными пуговицами, вяло, как всплески летучих рыбок, прорываются и затухают праздные вопросы и такие же пустопорожные ответы:

– Знает ли мистер Василий, что такое мультимиллионер? – спрашивает Билл Касл, жилец люкса № 1, общительный турист в желтой жокейке и золотистых шортах.

Василий уязвлен. Почему этот господин посчитал его балбесом, не знающим общеизвестного? Отвечать он не стал, а в пику ему задал свой вопрос с ехидцей:

– А знает ли мистер, что такое лапти?

– Лапти? – Билл отхлебнул очередной глоток пива и задумался. Такого «кроссворда» не довелось ему решать за все свои полсотни лет! – Лап-ти!

– Темный человек, – по-русски заключил бармен, до блеска натирая бокал, и, не дождавшись ответа, спросил:

– Мистер знаком с миллионерами?

Касл хмыкнул, поджал губы, а внутренне возмутился: почему этот парень не принял его за миллионера, неужели вид его персоны и поведение так далеки от сильных мира сего?

– Не только знаком, мы их делаем, – ответил он, стараясь побольше напустить тумана загадочности.

Василию ответ понравился. Интересно, как это можно делать миллионеров?

– Почему же вы себя не сделали миллионером?

– Денег не хватило, – не раздумывая, ответил Билл и почувствовал, что его самолюбие еще больше пострадало. «Откуда известно, что я не достиг высокого ценза? – мысленно спросил он себя. – С Розалиной мы занимаем лучший люкс, ни в чем себе не отказываем, и ему, стервецу, на чай отваливаем»...

– Усек, – хитровато подмигнул Василий, щелкнув пальцем по бутылке «Курвуазье», – конечно, бутылка много места занимает в кармане.

«Ну, это уж слишком хамовито», – подумал Билл и решил контратаковать грубияна.

– Русских я не переблю.

– А русские, между прочим, не так уж много пьют, просто пить не умеют.

– Вы правы, культуры не хватает. Им хочется на четырех походить.

– Не то, мистер. Закусывают не по науке. Я вот подсчитал: за две недели нашего рейса выпито более полутора тысяч бутылок крепкого и около трех тысяч литров пива. Разделите на четыреста человек и на четырнадцать дней – и только один пьяный.

Касл прикинул в уме итог деления, покачал головой.

– А как выглядит это в интернациональной диаграмме? Пальма первенства, конечно, у французов?

– Они больше по вину ударяют, итальянцы не уступают, американцы – по водке и виски, англичане отстают, но не очень.

– А немцы?

– Чемпионы по пиву.

– Я не немец, но пиво люблю.

– Вы универсал, ничем не пренебрегаете.

– Кстати, в прошлой войне русские одержали победу над немцами, а вы, дети победителей, сегодня прислуживаете побежденным. Вас это не унижает?

Василий нахмурился. Тонкими иглами что-то уткнулось в мозг. Никогда он не задумывался над этим. Молнией пронеслось в памяти все, что осталось со школьных лет о войнах.

– Американские лайнеры разве не перевозят испанцев? – рассуждал он вслух. – Разве немцы не обслуживают французов? За тысячелетия истории передрался весь мир. Все мы победители и все побежденные, потому что никак не избавимся от нравов дикарства.

Кто-то подал слабый голос из лежбища. Голос приглушенный, извергаемый в матрац. Неизвестно, в связи с чем он возник и кому адресован.

– Компас придумали китайцы в тысяча сто десятом году.

Никто не возразил, никто не подтвердил объявленную информацию, и она растворилась в молчаливом безразличии общества, заколдованного тропическим солнцем. Но минуту спустя послышался женский голос:

– Мы избалованные дети урбанизма. Из каменных джунглей нас влечет к природе, а достигнув ее, мы чувствуем холод

первобытности и рвемся назад к цивилизации, – это был голос Розалин, супруги Билла Касла.

– Вернее, к деньгам и порокам, – вставил свой комментарий хорошо поставленный баритон, – ведь никого не манит труд праведный.

И лежбище разговорилось. Так начинает свою работу ветер: вначале легкое дыханье, за ним порывы подлиннее, потом резкий удар крылом – и закружит, завоюет сорвавшийся шквал.

– Океан, что отполированное зеркало, погода – благодать! – снова подала голос Розалин. Она всегда занята чтением книг, но сегодня... разговорилась.

– Тишина всегда изменчива. Затишье сменяется бурей, – молвила глухо дама в чалме.

– Читала, что в океанах скрываются подводные скалы, – тревожным голосом сообщила толстенная средних лет миссис.

– Эти места изобилуют коралловыми рифами. Это целые горы подводные, невидимые, – уточнил мужчина, прикрытый сомбреро. Судя по тому, что его рука лежала на спине толстушки, – ее супруг.

– А мины, господа, мины! Они плавают по сей день... – еще более тревожно запричитала, будем считать, его супруга.

– К чему опасения, дамы! У нас капитан – судоводитель экстра-класса с высшим морским образованием, опытный бывалый практик, – попытался успокоить даму длинный, как жердь, мужчина.

– Конечно, дипломом Ллойда он усмирит ураган, – скептически проговорил мистер в сомбреро.

– Я уверена, что «Титаник» не повторится, – категорически заявила женщина в чалме.

– Но какие сейчас хоррикейны, какие торнадо! С грозами, шаровыми молниями, девятый вал, – не унималась толстушка.

Не выдержав устрашающей болтовни, сухорезбый мужчина закричал и поднял половину туловища. Сидя среди равнинного лежбища, он торчал одиноким и тощим кнехтом.

– Оставьте пессимизм, господа! Мы же не в Ноевом ковчеге, на современном лайнере.

– Недооцениваете Ноев ковчег, мистер. Ладья Ноя имела сто пятьдесят с половиной метров в длину, двадцать шесть и шесть десятых в ширину и шестнадцать и семь десятых метра в высоту. Наш турбоход не намного больше, – это был голос проповедника.

– У Ноя не было турбинного двигателя, балансиров против качки, радиоэлектроники, – отстаивал преимущество лайнера сухопарый.

Среди лежбища поднялся второй кнехт и рявкнул басом:

– И не было спасательных шлюпок, взгляните – это же настоящее суденышки, а не плоты... – это взорвался мужчина в сомбреро.

Припекло ли поднышающее солнце, а может, призвал вечный зов грешной утробы – лежбище зашевелилось, запыхтело и стало походить на поле, густо усеянное надолбами. Заворочались головы, задвигались ноги и руки, заклокотал говор в разных тональностях.

– Земля, забытая людьми и господом, – ну а это обронила сама пышка.

– Забыта господом, но не забыта господами, – в миноре заключил полинезиец.

Тем временем Розалина улеглась одинокой на все лежбище, раскрыла толстую книгу и принялась за чтение какого-то детективного романа. Полинезия – для нее край давно известный, уже десять лет они с Биллом Каслом скитаются по этим диким краям, изучая насекомых и фауну океана.

Защелкали фотоаппараты с телеобъективами, нацелились бинокли, зажужжали кинокамеры. Проплывал зеленый остров с палевыми берегами, отороченными белой каймой наката.

Оставив стойку бара, Билл Касл примкнул к толпе туристов, чтобы в любой миг включиться в спор, если такой возникнет. Он любил полемические баталии и по роду занятий хорошо знал Океанию. Конечно, больше других свои родные края, их исторические пути и тропинки знал сам сын Полинезии, но чтобы не привлекать внимания, он ускользнул от собравшихся у борта и, усевшись у столика бара, с интересом стал наблюдать первое знакомство туристов из Европы и Америки с «Дикарией». Здесь без помех он мог слышать, что говорят, как реагируют и оценивают увиденное.

Открылась голубая лагуна с пальмами и пустынными пляжами. Просторная бухта, защищенная выступами берега, самой природой спланированный порт, но его никто не построил. Крылатыми китами, выброшенными на сушу, лежали на песке туземные лодки с балансирами по бортам. На береговой линии на возвышенностях – ни обелиска маяка, ни купола церкви, ни телевизионной вышки – вездесущего ориентира современности. Далеким хутором в океанских просторах, где в джунглях дремлет еще первобытность, породнившаяся с орущими транзисторами, кока-колой и часами «Сейко».

– Леди и джентльмены! Краски экзотической Полинезии неповторимы! – зазвенел веселый певучий голос, усиленный радиоспикером.

На палубу вспорхнула очаровательная мисс Дилли – штатный гид и затейник дирекции круиза. Кто-то окрестил ее океанической сиреной. Распущенные каштановые волосы, прижатые золоченым обручем, и длинноногий стан, втиснутый в серебристый глубоко декольтированный комбинезон, действительно придавали ей вид мифической девы моря.

– Далекие разбросанные острова среди вечного потопа, – начала свой рассказ Дилли, – открыли нам наши мужественные предки. Бог устроил для нас огромный этнографический Эрмитаж под открытым небом. Всего лишь четыреста лет мы знакомы с дикими племенами Полинезии, но вы увидите выросшие города, ленты шоссе и железных дорог, фабрики, радио, телеграф, кинотеатры и поразительную экзотику.

– Церкви и пивнушки, – добавил Билл Касл.

– Островитяне питались мясом диких зверей и птиц, – продолжала гид, – а там, где их не было, – плодами и корнями, рыбой и травами. Полинезийцы люди не брезгливые, их меню довольно разнообразное: черепахи, змеи, ящерицы и личинки жуков, а глубоководные кольчатые черви океана Палоло для них особый деликатес. Позже появились свиньи, собаки, куры, и их рацион значительно расширился. Мы с вами пытаемся быть тонкими, изящными, а для полинезийцев полнота, тучность говорит о солидности, важности персоны.

Мужчина в сиреневых плавках и широкополом сомбреро, хлопывая по плечу свою упитанную супругу, говорил ей шутливо:

– Моя дорогая Мэри, ты сошла бы у них за министра.

– А ты за знахаря, – огрызнулась жена.

– Не обошлись аборигены и без веселящих напитков. В торжественных случаях царек приглашал юных девушек, и они жевали корни перечного растения. Все пережеванное собиралось в морские раковины, разбавлялось водой, и божественный напиток кава с поклоном преподносился дорогим гостям.

– Фу, какая гадость! – сморщив лицо, завертела головой дама в чалме.

– О каве я напому вам перед обедом, – пообещал любезный сосед в сомбреро, тот же супруг пухленькой Мэри, имя которого Джо.

Рассказ гида перехватил Билл Касл:

– Не стоит осуждать, господа. Туземцы не имели мясорубок. Около года мы жили на одном таком острове и постоянно ходили с Розалин обедать в уютную таверну. Там прекрасно готовили обеды и быстро обслуживали. Но как-то я пригласил туда друзей, приехавших из Англии. На сей раз второе нам долго не подавали. Любезный хозяин-полинезиец отозвал меня в сторону и стал извиняться: «Простите, пожалуйста, – говорил он, – когда вы приходите обедать вдвоем, мясо жует моя жена, но сегодня у вас гости, и мне пришлось вызывать соседней». Это было открытие. Наконец я узнал секрет, как готовятся вкусные сочные котлеты.

Многие брезгливо зафыркали, а многие рассмеялись. Захохотала и Дилли, потом белоснежным платочком промокнула уголки глаз и повела беседу дальше:

– Жизнь аборигенов похожа на жизнь муравьев, она примитивна и непритязательна. Их мебельные гарнитуры – плетеные циновки, морские раковины – их кастрюли и сковородки, они же заменяют фарфор и хрусталь, листва служит им салфетками и полотенцами, вместо мыла – травы, зола, мыльный корень, известь.

Упоминание о мыле заставило скучающего от безделья Василия прислушаться повнимательнее к рассказу Дилли. «Наконец-то

и мы достигли прошлого дикарей», – зло подумал он. Перечень заменителей мыла, которыми пользовались полинезийцы, натолкнул бармена на дерзкую мысль, и он произнес ее вслух:

– Сегодня же отправлю радиogramму жене: «Лиля, добывай мыльный корень, используй известь. Целую, Вася».

– В таком тепле, – Дилли возвела руки к солнцу, – не нужен фундаментальный дом и можно обходиться без камина и электрогрелки, никто не думает о норковой шубе и теплых сафьяновых сапожках...

– Жизнь нелегкая, но дешевая, – заключил сухопарый. Он был равнодушен к даме в чалме, имя которой Линн. Она же холодна и безразлична к жердеподобному Роберту Симпсону, хотя фамилия его очень популярна.

– И совсем нет телефона?! – с ужасом в глазах не то констатировала, не то спросила Линн.

– Зато есть огромная и всегда теплая ванна – океан! – повел рукой, указывая на ширь бесконечного простора, Билл Касл.

Среди туристов всегда находятся знатоки-комментаторы. К их репликам Дилли привыкла, они ее не раздражали, хотя и рвали канву рассказа.

– В своем обществе племена не знали никакой одежды, – Дилли раздернула змейку комбинезона, на один миг показав свою полную и упругую грудь, гладкий чуть запавший живот, и в ту же секунду задернула змейку. Никто из женщин не ахнул, не упал в обморок, а у мужчин только расширились зрачки, и кто был при усах, произвольно коснулся их кончиков.

– Но перед европейцами, – мило улыбалась Дилли, – туземки все же прикрывали свои срамные места, надевая мини-передники, а мужчины – набедренные повязки из тапы, искусно изготовленной из коры дерева.

– Ультрацивилизированный двадцатый век! – воскликнул Касл. – Дикари одеваются, а цивилизаторы раздеваются!

– Действительно. Удивительный парадокс, – изумилась Линн, – мы их одели, а сами... совершаем вселенский стриптиз. Нудисты – те совершенно голые, и это в нашу высококонрастную эру, – взглянув на всех и на себя, она постепенно начала натягивать халат. Немногие дамы последовали ее примеру.

Мэри внимательно слушала гида, но думала совершенно о другом. С момента выхода лайнера в круиз ее не покидали тревожные мысли об опасностях, какие могут их подстеречь в открытом океане. Наконец она обратилась к своему супругу:

– Джо! Я совершенно выпустила из вида – летающие тарелки! Это самое страшное в океане.

– Они бы стали самым впечатляющим эффектом, – отмахнулся супруг.

И тут же леди Линн высказала свое мнение:

– Да, инопланетяне похищают людей для научных опытов.

– А здесь, в этой пустыне – ни полицейского, ни правительства, – разжигала костер страха Мэри, – за такие деньги – и такой ужас!

– Напрасны твои тревоги, Мэри, – не без иронии пытался успокоить жену флегматичный Джо, – тебя не украдут. Я представлю гуманоидам самые полные сведения о твоём характере, к тому же, не так просто втиснуть тебя в тарелку...

– Пожалуйста, не остри, Джо. Перенести вторжение УФО – не всякий выдержит.

Разговор возник явно не по теме, и раздались голоса увлечённых информацией гида:

– Чаще молитесь, леди, – бросил все ещё не облачившийся пастор.

– Слушайте, не перебивайте, – раздражённо проговорил мистер Симпсон.

Под недовольными взглядами и шиканьем страхи были подавлены, а голосок Дилли торжествовал по-прежнему:

– Мужчины Океании! – она бросила игривый взгляд в сторону полинезийца и закатила глаза под лоб. – Это финикийцы великого океана! Непревзойденные мореходы, мастера-корабелы, умеющие без одного гвоздя строить прочные ладьи, противостоящие бурям. У них живой ум, ловкое подвижное тело, солнечный темперамент. Ничем не уступают им женщины Полинезии: изящные движения, открытый дружелюбный взгляд, добрая, чуть грустная улыбка. Они обладают недурным вкусом, умеют сочетать яркие цвета, лишены зависти, нетребовательны, обходятся самым необходимым.

– Ах, как похожи на них наши милые дамы! – Роберт Симпсон обвел руками толпу женщин у борта.

– Особенно в довольствии «необходимым» – модные меха, бриллианты и кое-какие «мелочи», – раскрыл скобки Касл.

– Правда ли, что они убивают своих детей? – спросила Линн, отойдя подальше от мистера Симпсона.

– Исследователи утверждают, что полинезийцы любят своих детей, – Дилли тяжело вздохнула, и лицо ее стало печальным, – но на отдельных островах, где не хватало еды, и мать вправе была иметь не более одного ребенка, там новорожденных... Трагическая участь первыми постигала девочек и неполноценных детей. Такому варварству содействовали и местные верования, и дикие нравы, и, конечно, незнание о существовании предохранительных средств.

Толпа у борта зашумела. Негодовали женщины:

– Боже, какое зверство! – воскликнула Линн.

– Это не люди – скоты! – поддержал ее Симпсон.

– Хуже скотов, собака не бросит своего щенка, – сказала в ответ Линн.

– А заберешь щенка – скулит, плачет, ищет, – поддержала Мэри.

– Обезьяны не творят подобного, – прозвучал незнакомый голос.

– Истинные варвары! – еще кто-то дал свою оценку.

– Сатанинская порода! – заключил мистер Симпсон.

– Не будем ханжами, господа! – надевая пижаму, вмешался пастор. – У диких людей все это в прошлом, а у нас, цивилизованных?! Разве сегодня грешницы не удушают новорожденных, не подбрасывают их в мусорные контейнеры, не продают своих кровных скупщикам живого товара?!

Сушая правда пастора повергла окружающих в грустное смятение. Все умолкли, и солярием на какой-то миг овладела мертвая тишина. Ее нарушила вопросом Мэри:

– А дикари все еще кушают людей?

Джо рассмеялся и тут же подначил свою супругу:

– А как же, свежую человечину с приправой «кетчуп» подают в серебряном корыте.

– Вульгарно, мистер, неэстетично, – урезонила остряка Дилли, – каннибализм не был широко распространен в По-

линезии, а на соседних островах давно канул в лету. Отвратительное явление рождалось на почве диких предрассудков: одни съедали убитого во имя любви – в надежде стать таким же смелым и мудрым, верили в исцеление своих болезней. Другими руководила ненависть – пусть от врага и следа не останется. А у развращенных царьков – пресыщение, необузданность чревоугодия.

– И все это творилось на глазах наших богобоязненных предков, – продолжил Билл Касл. – Был такой «великий» король Такомбау, последний владыка островов Фиджи, его щедро субсидировала казна Великобритании. Уже передавая власть придворным британцам, он выбирал себе из многочисленных слуг жертву покуснее и заставлял обреченного к его же мясу готовить овощи для гарнира. И британцы терпели.

Слушающие рассказ прямо-таки взбунтовались. Англичане обвиняли Билла во лжи.

– Сказки, такого быть не могло! – вскрикнула Линн.

– Выдумки, бред! – пробасил Симпсон.

– Факт исторический, – подтвердил пастор, – историю колонизации надо знать, господа.

– Как все это ужасно, господа! – всплеснула руками Мэри. – Платить такие деньги, чтобы увидеть людоедов. Лучше бы я в зоопарк десять раз сходила.

– Ни на одном острове, дорогая, на берег не выйдешь, – улыбаясь, категорически заявил супруг.

– На палубу не покажусь, на ключ в каюте закроюсь.

– Вы очень строги и наивны, господа, – продолжил беседу пастор. – Проанализируйте историю наших далеких предков, их поведение мало чем отличалось. А современные дикари – наши братья, такие же люди, как и мы, только опоздавшие на поезд прогресса. Мы их плохо воспитывали. Еще в девятнадцатом столетии немецкие лекари поили больных настойкой толченой крупы и черепов повешенных. А не мы ли, цивилизованные, в нашем славном двадцатом веке изготавливали дорогие абажуры и дамские перчатки тончайшей эластичности из человеческой кожи? Основное в преступном деянии – убить человека! Как поступить с его плотью – второстепенное...

– Верные мысли, пастор, – вмешался Касл. – Не жрали же дикари человека живьем, как делают звери.

– А теперь подумайте: сколько же мы, люди высокой культуры, убили людей во всех пятнадцати тысячах войн? – продолжал пастор. – Вспомните Вьетнам. Там воевали не дикари с Калимантана, а фотографировались они с отрубленными и засушенными головами вьетнамцев. Все идет от нас, господа, и все к нам возвращается.

Не удержался Билл Касл, чтобы не рассказать известную ему историю времен колонизации Полинезии.

– Цивилизация «Дикарии», – начал он, – открывалась подарками смерти, ружейный огонь был первым признаком прибывших гостей...

– Неправда! – громко произнесла Мэри. – Дикари встречали белых людей градом отравленных стрел, камнями и копьями...

– Вы ошибаетесь, дитя мое, – любезно остановил ее протест пастор, – белых пришельцев встречали как чудо господнее. Так называемые «дикари» были людьми миролюбивыми, любознательными к белым людям. Мы уже умели считать миллиарды звезд, а они знали счет десяти камешкам. Мы уже были жадными, а они не знали, что значит «твое» и «мое», все у них было общинное... Простота, – пастор обратился к Биллу: – Продолжайте, пожалуйста.

– В тысяча восемьсот девяносто седьмом году (еще не прошло и ста лет с того времени), – Касл достал носовой платок и вытер испарину на лбу, – французы отвергли дружбу аборигенов острова Священная Рапатея, название-то какое! Колонизаторы потребовали от островитян полного и безоговорочного порабощения. Гордые люди предпочли уйти в горы и сражаться за свободу. Через два месяца, когда их осталась горстка, они сдались, и всех их выслали на Маркизские острова...

– Мои соотечественники, после Великой французской революции?.. Не может быть! – изумилась Мэри. – Почему в школе нам не рассказывали о таких «подвигах»?

Джо, конечно, не упустил случая, чтобы не предсказать действия своей супруги:

– Теперь, моя дорогая, ты выйдешь из каюты, спустишься на первый же остров и принесешь извинения от имени Франции.

– Я так и сделаю, Джо, обязательно сделаю.

– Кто же все-таки больше всех бед принес туземцам? – спросил Джо, косясь на Симпсона. – Мне думается – Владычица морей...

– К сожалению, все мы грешны перед праведными сыновьями природы, – пастор осенил себя крестным знаменем, – беззащитные жители острова Святой Матиас в схватке убили германца, который ради развлечения вырубал кокосовые пальмы – хлеб островитян. Германия послала к острову крейсер «Карморан» с кораблями. Шестьдесят один «дикарь» лишился жизни, а их жены и дети были вывезены на другой остров и там нашли свою смерть. Было это в тысяча девятьсот первом году.

Дилли извлекла миниатюрные часики на цепочке, уютно устроившиеся на ее груди, взглянула на них и приступила к своим обязанностям:

– Благодарю вас, джентльмены, за помощь, но близится обеденное время, и нам пора продвигаться к финалу.

– Итак, наши предки плыли в неведомую даль не туристами. Сюда влекло их золото и серебро, но они не нашли ни того, ни другого, благодатные края превращались в их вотчины, вольные аборигены в послушных слуг, и до самого двадцатого века вывозили отсюда смуглых рабов в Южную Америку.

– А взамен на острова ссылали преступников, вольнодумцев-еретиков, солдат и миссионеров, – добавил Касл.

Пастор счел такое толкование не совсем верным и возразил ему:

– Простите, мистер, но священнослужители отправлялись к забытым людям, затерявшимся в океане, по своей доброй воле, чтобы во тьму нести свет.

– А что принесли? – ехидно спросил Касл.

– Дети океана поклонялись идолам, фетишам, солнцу, акулам. Они верили в душу растений...

– Разве не благороднее поклоняться природе, чем доллару, франку или фунту стерлингов?

– Несправедливо отождествлять проповедников христианства с меркантильными плантаторами. Миссионеры несли веру в единого бога, доброту, милосердие...

– И обещали им потусторонний рай, а их острова превращались в пекло. Рай следует устраивать на земле, а не под землей. Там темно, холодно и черви работают.

– Вы святотатствуете, мистер. Христианская мораль торжествует здесь и по сей день, люди стали духовно чище, потому что чтут всевышнего.

– «Пока мы устремляли свои взоры к небу, призывая творца, они ловко выдернули у нас из-под ног землю» – это слова одного маорийца.

– Не миссионеры выдернули, а жадные завоеватели.

– На острова хлынули не только христианские проповедники, воронами бросились буддисты, магометане, иудеи, и каждый восхвалял своего бога и порочил чужого, разрушая единство племен, порождая междоусобные войны. Чтобы избежать раскола племен, вожди собрали миссионеров разного толка и рекомендовали им убраться вон, где-то договориться, какой бог самый лучший, и тогда вернуться на острова...

– Но в этом нет вины христианского мессианства. Таково было стечение обстоятельств. Можно ли обвинять христианство в том, что некий Хонги, вождь племени на севере Новой Зеландии, побывав в гостях у Георга Четвертого – короля Великобритании, и знакомясь с прогрессом цивилизованной страны, запомнил только лишь военные успехи? Король одарил Хонги сельскохозяйственными орудиями, вещами домашнего обихода, деньгами, а Хонги на обратном пути все это обменял в Мельбурне на огнестрельное оружие. Ему больше понравилась королевская власть, чем труд хлебороба. Возвратясь домой, он принялся покорять соседние племена, сеять смерть и горе, и даже сжег станции миссионеров.

– Виновны властители своим разлагающим примером, но слуги церкви были и слугами королей...

Преипирательство между энтомологом и пастором скорого финиша не обещало, и они благоразумно отошли в сторону, чтобы не мешать программе гида, продолжая тихо доказывать друг другу давно известное.

Их спор прервала Дилли, обращаясь к своим слушателям.

– Благодарю вас, джентльмены, за убедительные дополнения к моей скупой информации, – качнув головой в их сторону, Дилли

обратилась ко всем присутствующим: – Я должна еще проинформировать вас, господа, на рассвете мы будем проходить печально известный остров Тасманию. Здесь жили добрые мирные люди. В тысяча восемьсот третьем году их насчитывалось восемь тысяч душ. Жили они в дуплах огромных деревьев, ходили обнаженными, стрелами и копьями охотились на диких животных. Но появились белые люди и стали охотиться на тасманийцев огнестрельным оружием, устраивали на несчастных облавы с собаками. За семьдесят лет «цивилизации» аборигены исчезли как вид. В тысяча восемьсот семьдесят шестом году на островке, куда вывезли уцелевших, умерла последняя туземная женщина. Сейчас это промышленно и аграрно развитый остров, где проживает четыреста тысяч европейцев.

– Почему мы были такими жестокими? – недоумевала Линн и направилась к стойке бара.

– Потому, что по сей день мы не стали милосерднее, – сделал вывод Джо.

– Сегодня я пью джин с тоником, разволновали меня человеческие трагедии.

Линн раскрутила чалму, а Симпсон ловко подхватил полотенце, перебросил его через плечо и положил деньги на стойку бара:

– Пожалуйста, два джин-тоника.

– Странно. Как мало мы знаем о колонизации, – удивилась Мэри. – Я была убеждена, что мы спасли дикарей от вымирания, создали им человеческие условия для жизни.

Дилли только пожала плечами.

– У медали – две стороны, у колониальной цивилизации и на лицевой, и на обратной стороне – выгода. Европейцы завезли на острова лошадей, коров, овец. Завезли машины, научили возделывать пшеницу, овес, ячмень. Они сделали доброе дело, но отнюдь не для туземцев. Вместе с прогрессом сюда прибыли пороки: кастовость, чинопочитание, лицемерие, доносы, бюрократия, жажда наживы, воровство, оружие, а с ними деньги, азартные игры, опиум, табак, алкоголь и болезни: туберкулез, сифилис, оспа, дизентерия. Появились новые разносчики инфекций: пароходные крысы, тараканы, европейские мухи. Местные жители быстро освоили технологию изготовления рома

из корней дерева ти, но долго не могли понять: почему один имеет больше прав на траву, на дерево, на зверей, чем другой?..

Спор двух джентльменов, видимо, зашел в тупик, и возникла необходимость в арбитре. К Дилли обратился пастор:

– Извините, мисс, мы вторгаемся в беседу, наши вопросы имеют непосредственное отношение к теме. Нам только уточнить...

– Пожалуйста, святой отец, мой регламент истек.

Касл и пастор направились к полинезийцу и уже издали завели с ним разговор:

– Коротаете время в одиночестве, соскучились по родине? – начал Касл.

– Кому же, как не вам, знать Полинезию, – обрадовано произнес пастор. – Простите, мы с вами знакомы и незнакомы, – и протянул руку.

– Трем, пастор...

1992-1993 гг.

